

• Традиционный образ жизни

Жарко пылает огонь в железной «буржуйке». За окном охотничьей избушки поет свою песню пурга. Борис Николаевич Чечулин только что распряг своих собак, повесил на просушку кухлянку и предложил мне горячего чаю. «Вот пока чай пьем, будем разговаривать, - улыбается он, - я много чего рассказать могу, у тебя на диктофоне места не хватит, чтобы записать. Но мне скоро собакам кормить, так что времени не очень много».

Культуру – в табуны

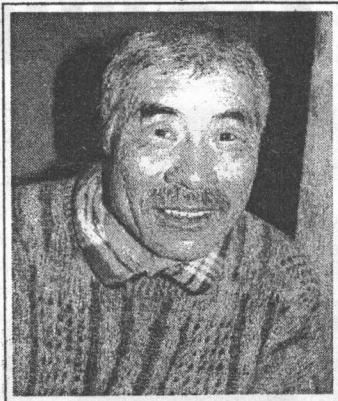
«Я прописан в Оссоре, но родился в Анапке. Это село закрыли в 1974 году. У нас таких сел на севере много. И почти все мои ровесники родом из таких «закрытых» сел. Для моего поколения это не просто место рождения, это наша родовая земля. Поэтому нас прочные узы связывают с теми местами.

Я со своими родственниками с весны и почти до декабря живу в Анапке. Землю оформили под семейно-родовую общину, ведем, как это сейчас принято говорить, традиционный образ жизни. Для нас это этот образ жизни как раз единственно правильный. Дом там большой построен для всей семьи. Это уже второй дом, первый сгорел...

После армии закончил СПТУ, на электрика-дизелиста выучился. Работал в Анапке, пока село не закрыли. В начале 80-х еще совхозные олени табуны в районе были, я устроился в агиткультбригаду по обслуживанию оленеводческих звеньев. Ездили по табунам с культурной программой, фильмы оленеводам показывали, артистов возили, лекторов.

Я работал старшим методистом в агитбригаде - фильмы крутил. Нас даже в город посылали на курсы повышения квалификации, мы получали «корочки», допускающие к работе с киноустановкой. Так что, все очень серьезно было! Знаменитый сегодня ансамбль «Мэнго», тогда еще первым составом, тоже ездил по Корьякии, выступал в табунах - артистов всегда ждали в тундре.

Сейчас этого нет, хотя, мне кажется, оленеводам



«Я РОДОМ ИЗ АНАПКИ»

всегда нужна такая духовная поддержка. Работа в табуне очень тяжелая, и приезд агиткультбригады - как праздник для оленеводов... Так что я до того, как начал заниматься собаками, сначала с оленеводством был связан!».

Смешной каюр

«У меня отец собак держал всю жизнь, в Анапке тоже у многих собаки были. Ведь раньше другого транспорта у людей не было, все на собачьих упряжках перевозили - и почту, и продукты, и рыбу, и яблоки на Новый год. И гонки у нас тоже проводили. А я начал заниматься упряжным собаководством с двух собак где-то в конце 90-х. У меня была нарточка самодельная, маленькая, чуть больше метра в длину. Вот я на двух собачках ездил по селу: уголь привезти, дрова...

Как-то в соседнее село Ильпырь поехал, так меня по дороге обсмеяли встречные водители «буранов»: вот это упряжка, никогда таких не видели - всего две собаки! В Ильпыре наловил я бездомных дворняжек, стало у меня больше собак

уже четыре, потом пятый Лохматый, передовик, появился. Уже лучше!

Каждый год упряжка увеличивалась. Потом свои щенки пошли, вот из них моя нынешняя упряжка состоит. Начал на ней сын гонковать в «Берингии», а мне все некогда было, работал, хозяйством занимался, семью кормил. Потом решил в нашей карагинской «Маклал'у» поучаствовать. Почему? Да самому интересно, и молодежь поддержать хочется.

Раньше как было? Мы всему у стариков учились, а сейчас их почти не осталось. Те, кто еще жив, физически не могут собаками заниматься, хотя душой болеют за это. Собаками управлять в дороге - сила нужна, лавировать, балансировать надо. А корм заготовить? Вот посчитай, одной собаке в день примерно 3 горбуши сушеных надо, умножь это на 365, а потом умножь на количество собак в упряжке - если их 10, то 10950 рыбин нужно заготовить! Так что это не каждому под силу...».

Сохранить то, что есть

«Мне кажется, самое главное сегодня - сберечь то, что дали нам наши предки. Вот на родном языке сегодня почти не разговаривают. Дети с детства слышат русскую речь, в школах национальный язык не преподают. Как-то странно-иностранный язык получается, для наших детей важнее, чем родной. А я, когда маленький был, только корякский вокруг и слышал.

Вот приезжаю в Тымлат, к родственникам, душу отвою - разговариваем со стариками на родном. Мои дети, к сожалению, только понимают его, а общаться не могут. Это очень плохо. Сейчас потихоньку стали возрождать и традиции, и язык. Но вот только носителей культуры нашей все меньше становится. Надо успеть сохранить то, что есть.

Возьмем хоть нашу гонку. Для развития собаководства без рыбы, без морзверя не обойтись. Возду-

хом-то собак не накормишь. Нужны лимиты для каюров. А это пока только обсуждают на разных уровнях. Пока не будет закона для территорий традиционного природопользования, нам самим это не поднять.

Еще пример: вот моя одежда национальная сшита моей женой. Она всю семью обшивает: и меня, и детей. Чижи, конайты, кухлянку, торбаса - все может шить, только с сырьем туго, шкура нужна оленина. И, опять-таки, научить нужно молодых, опыт передать, чтобы они не растеряли своих корней, не были «Иванами, родства не помнящими». А у стариков учиться - это нужно время, внимание, терпение. На это годы уходят»...

Рецепт молодости

«Что, не веришь, что я самый старший среди участников гонки? Что я седьмой десяток разменял? Ну, значит, хорошо сохранился! Могу рецепт молодости дать. Собак заведи! (смеется). А если серьезно, они мне не дают чувствовать себя старым. Болеть даже некогда. Больной, кривой, хромой - все равно надо идти кормить, учить, объезжать - ими заставляться нельзя.

Теперь даже не представляю - как я жил без собачек? Они - мои главные помощники. Добыл я морзверя. А как мясо домой отвезти? Без собак никак. Погрузил на нарту и поехал. И их накормил, и семью накормил. Вот и в этой в гонке: еду, не тороплюсь, пусть молодежь соревнуется, а я просто собакам побегать даю, не подгоняю их.

Да, можно сказать, что каюр - это психолог собачий. Их понимать надо, и они ответят тебе тем же...

Ну, вот, почаевали, - пора мне собак кормить, - ждут они меня. И так уже сильно много тебе наговорил, болтун старый...».

Н. КУЧУКОВА.

Фото И. БУЙМИСТРОВА.